

Барышникова Елена Николаевна, Повалко Полина Юрьевна

СЕМИОТИКА ВРЕМЕНИ И ЕЕ ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В РОМАНЕ В. СОРОКИНА "ТЕЛЛУРИЯ"

В статье рассматривается время как важнейшая семиотическая и лингвопоэтическая категория художественного текста. На материале произведения В. Сорокина "Теллурия" показывается, что постмодернистский роман использует в качестве ключевого приема формирования семиотики времени языковую и смысловую игру, трансформирует функцию этой текстовой категории, выстраивая для нее вариативную полисемиотическую структуру. При этом языковые средства репрезентации семиотики времени не подвергаются существенным изменениям.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/12-2/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 2. С. 75-79. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

19. **Violette I.** Immigration francophone en Acadie du Nouveau-Brunswick: langues et identités (Une approche sociolinguistique de parcours d'immigrants francophones à Moncton): thèse de doctorat en lettres et linguistique / Université de Moncton, Université François-Rabelais de Tours. 2010. 512 p.
20. **Voisin C.** Attitudes des francophones du Nouveau-Brunswick à l'égard du chiac // Travaux neuchâtelois de linguistique. 2016. № 64. P. 101-119.

LEXICAL UNITS "QUEBECKISMS" IN THE COMPOSITION OF THE SOCIOLECT OF MONCTON (CANADA, NEW BRUNSWICK)

Albanskii Vladimir Vladimirovich
Moscow Region State University
V.Albansky@gmail.com

The article, by the example of Internet communication considers the influence of the Quebec French language on the composition of the sociolect of Moncton – chiac as a variety of the Acadian French language. The author reveals the difference in the essence of the Quebec and Acadian versions of the French language; by the material of the conducted research traces the influence of the first language version on the second one and, as a consequence, on the chiac. A comparative analysis of the identified lexical units in the sense of their original and rooted meanings in Quebec is carried out.

Key words and phrases: Quebec; New Brunswick; chiac; Acadian French language; Quebec French language; sociolect.

УДК 81'42

В статье рассматривается время как важнейшая семиотическая и лингвопоэтическая категория художественного текста. На материале произведения В. Сорокина «Теллурия» показывается, что постмодернистский роман использует в качестве ключевого приема формирования семиотики времени языковую и смысловую игру, трансформирует функцию этой текстовой категории, выстраивая для нее вариативную полисемиотическую структуру. При этом языковые средства репрезентации семиотики времени не подвергаются существенным изменениям.

Ключевые слова и фразы: семиотический метод; постмодернистский роман; категория времени; языковая репрезентация; знаки времени.

Барышникова Елена Николаевна, к. филол. н., доцент
Повалко Полина Юрьевна
Российский университет дружбы народов, г. Москва
ent5753@mail.ru; Polina.povalko@gmail.com

СЕМИОТИКА ВРЕМЕНИ И ЕЕ ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В РОМАНЕ В. СОРОКИНА «ТЕЛЛУРИЯ»

В основе системы временных представлений человека лежит осмысление индивидуального, национального, социального, культурного, исторического и других видов опыта. Новые контексты, создающиеся в XXI веке, иначе расставляют акценты в темпоральной категории художественного текста, привнося в нее дополнительную детализацию, формируют уточненное содержание как авторской позиции, так и читательской репрезентации. Существовая в этих контекстах, одновременно отражая и создавая их, современный роман трансформирует способы формирования семиотики текста в целом и отдельных его категорий.

Художественный текст, по сравнению с другими результатами творческой деятельности человека, максимально свободно манипулирует временем: «Художественное время обладает способностью “сокращаться”, “растягиваться”, “прерываться”: об одном рассказывается бегло, о другом подробно, о третьем вовсе умалчивается» [4, с. 63]. Что же касается современного романа, особенно романа постмодернистского, то здесь автор доводит свободу обращения со временем до предела. Постмодернизм «взрывает изнутри традиционные представления о целостности, стройности, законченности эстетических систем, подвергает радикальному пересмотру ряд фундаментальных постулатов “аристотелевского цикла” культуры» [8, с. 3]. Кроме того, «происходит размывание всех стабильных эстетических категорий, ломка границ эстетического...» [11, с. 67].

С другой стороны, время наряду с пространством – это важнейшая смыслообразующая категория, сюжетный базис всякого произведения. В этой связи исследовательская задача данной статьи состоит в выяснении возможных трансформаций функций темпоральной категории в тексте, ее значения для авторского замысла и читательской рецепции, ее семиозиса в свете постмодернистской эстетики. Кроме того, исследовательский интерес вызывает вопрос соотношения семиотического аспекта времени и языковых инструментов, используемых для кодификации этой категории. В этом случае вторая задача статьи заключается в установлении того, составляют ли они неизменный авторский арсенал или подвергаются изменению вслед за преобразованиями временного семиозиса.

В качестве материала для поиска решений поставленных задач в рамках данной статьи предлагаем рассмотреть роман В. Сорокина «Теллурия» [12], роман, вне всякого сомнения, представляющий с методологической точки зрения явление постмодернистской прозы (в скобках приведем лишь важнейшие особенности подобного рода произведений, отмечаемые такими исследователями, как Н. Б. Маньковская: «...эстетические мутации, диффузия больших стилей, эклектическое смешение художественных языков» [8, с. 6]; М. В. Безрукавая: «...и деконструкция, и корректирующая ирония, и явная ставка писателя на многообразие языковых игр» [3, с. 104]).

Семиотика времени в произведении выстроена по принципу мозаичности, языковой и смысловой игры в будущее. Знаки будущего времени – нового средневековья, – которые автор репрезентирует, прежде всего, через язык, могут быть признаны и знаками настоящего и прошлого одновременно. Дискурс игры в новое время обнаруживает все ту же природу человека, которая неизменна в любую эпоху, и, по сути, вся семиотика времени здесь работает на раскрытие этой мысли. Читатель снова наблюдает языковой перформанс автора, который в каждой главе своего романа еще и еще раз показывает, как прогресс оказывается регрессом и время ничего не меняет. Имитация, передразнивание, стилевые квесты формируют ту семиотику времени нового средневековья в тексте В. Сорокина, которая может быть выражена только в языковой игре.

Каждая глава романа имеет своего уникального героя и свой уникальный сюжет, но единое, не маркируемое, как линейное, время связывает их в одно целое. Это время, где объединены знаки архаики, советского времени, времени военного, нового средневековья, условного будущего, которые будут подробно рассмотрены далее. Именно это смешение отменяет необходимость учитывать время как определяющий контекст.

И вместе с тем, отменяя детерминированность человека эпохой, историческим этапом, временными контекстами, В. Сорокин оставляет время как очевидное и необходимое условие для репрезентации своих основных идей. Каждый из вариантов семиотики времени (а каждая глава – это попытка автора сыграть в очередную пространственную и временную игру по-новому) подчеркивает авторский сарказм по отношению к стремлению человека изменить нелинейность времен, отсюда возникает сквозной сюжетный элемент, связанный с ключевой для текста метафорой – теллурым гвоздем. Герои отдельных глав либо уже владеют теллуrom и потому могут быть счастливы, либо пытаются теллуr заполнить. Эта метафора, этот символ дает и автору, и читателю возможность определить основные дискурсы текста, включая те из них, которые отображены посредством знаковой системы времени.

Следующая особенность данного произведения (и это тоже игровой ход автора в отношении семиотического ряда, использованного для описания времени) – это жанровая неопределенность романа, или, точнее, переключки жанров. Читателю предлагается стройный, очевидно вычисляемый мир антиутопии, который легко, в свою очередь, переходит в жанр памфлета. А памфлет как сатира на злобу дня уточняет семиотику происходящего с нами «здесь и сейчас». В мире, где ничего не меняется, где базовые ценности существуют в обстоятельствах временных катаклизмов, бытовых историй и диалогах, утрачивает значение то, какое именно время описывает автор. В этом состоит основная предпосылка для семиозиса при прочтении текста. Читатель узнает *свое* время: новое средневековье – это не то, что произойдет с нами, а то, что с нами *уже* происходит. Эту неотвратимость наступившего распада и описывает Сорокин, используя приемы знаковых игр, в том числе и на уровне жанров, выбор которых предполагает использование соответствующих им стилей и языковых конструкций.

Обратимся теперь к анализу языковой репрезентации семиотики времени в романе.

Вслед за М. М. Бахтиным, мы рассматриваем художественное время как составляющую хронотопа произведения, как «четвертое измерение» художественного мира [2]. Такой подход диктует деление времени текста на действительность субъекта изображения (субъективное время) и на действительность героя (фабульное время, фон художественных событий, моделирование реальности в соответствии с авторским замыслом). Хотя общепринятой целостной классификации по данному критерию не сегодняшний день не разработано, в литературе встречаются упоминания следующих типов времени действительности героя: физическое, или календарное время (М. А. Барг [1]), историческое, или историко-социальное (А. Н. Лой, Е. В. Шинкарук [6], В. П. Яковлев, [14]), мифологическое (А. Ф. Лосев [7]), биографическое (М. М. Бахтин [2]). Разные типы времени имеют различный семиотический потенциал и проявляются при помощи различных языковых инструментов.

Календарное (физическое) время художественного текста фиксирует, прежде всего, количественное течение физического времени развития и смены событий в произведении. Его отражают наименования единиц суточного, сезонного и календарного времени, проявленные в своих денотативных значениях. По словам Н. А. Николиной, календарное время представлено преимущественно лексическими единицами с семей «время» и датами [9, с. 126].

Календарное время присутствует в половине глав романа, но оно не образует общего (сквозного) физического времени событий. Физическое время распадается на изолированные временные отрезки – для каждой главы свой, – которые объединяются в один ряд механически; отсюда и многообразие денотативных значений календарного времени.

Для выстраивания календарных координат автор пользуется вполне традиционным набором языковых средств:

- лексические единицы, прямо называющие описываемое в тексте время года / время суток: *стоит октябрь* [12, с. 13]; *В четверть седьмого* [Там же, с. 24]; *теперь ночь* [Там же, с. 55]; *Ночь; Ночной воздух* [Там же, с. 100, 105]; *1 октября, 5 октября* [Там же, с. 138, 149]; *Поздняя осень. Пасмурное, промозглое утро* [Там же, с. 192]; *Проснулся поздним июльским утром* [Там же, с. 214]; *Вечером* [Там же, с. 304]; *Ровно в 15:35 по московскому времени* [Там же, с. 316]; *Поутру, когда кукушка еще не куковала* [Там же, с. 325];

Часы на платформе показывали одиннадцать пополудни; Весна запаздывала: несмотря на середину апреля, еще лежал кое-где темный снег [Там же, с. 349];

• метафорические экспликанты времени года / времени суток: *На деревьях желтеют листья* [Там же, с. 13]; *непроглядная лесная темень* [Там же, с. 58]; *Ковер из опавшей листвы, Старый, уже потерявший листву дуб* [Там же, с. 66]; *Залитая луной дворцовая анфилада, Гарем спит* [Там же, с. 100, 105]; *волчьё солнышко* [Там же, с. 140]; *Времечко раннее, еще не развиднелось* [Там же, с. 156].

Очевидно, что семиотический потенциал календарного времени в романе невелик, календарные координаты становятся для автора одним из средств стилизации, репрезентации жанровых особенностей отдельных глав, жанровой игры, а значит, средством кодификации других форм времени.

Историческое время в художественном тексте рассматривается как характеристика смены эпох, поколений, событий и явлений в жизни общества, то есть обычно является темпоральным выражением социального. Кодификация исторического времени осуществляется через детали быта, свойственные описываемому периоду, особенности идеологии, реалии культурной и социальной жизни, специфику взаимодействия героев и среды.

По мнению таких исследователей, как А. Н. Лой, Е. В. Шинкарук, В. П. Яковлев, социально-историческое время «выражает последовательность, повторяемость, длительность, ритмы, темпы социальных процессов» [6, с. 74]. Реальное содержание социального времени обнаруживает себя во времени индивида, социального поколения и истории общества [14]. И. М. Савельева и А. В. Полетаев рассматривают историческое время в качестве атрибутивного свойства истории, которое определяет ее как процесс изменения, развития и преобразования человеческого общества, отдельных стран и народов и позволяет выстроить хронологию и периодизацию исторического процесса, представить историю как последовательную смену качественно различных состояний экономического, социального, политического и духовного развития общества, образующих исторические эпохи [10].

В художественных произведениях историческое время соотносится с подробно рассмотренным в исследовании А. Н. Лахвицкого понятием «исторический текст». Лахвицкий определяет исторический текст как «систему знаковых (материальных и вербальных) элементов, аккумулирующую в себе информацию о прошедшей социальной реальности и позволяющую ее репрезентировать. Исторический текст выступает в качестве идентификационного социокультурного кода... В историческом тексте проявляется феноменальность (“самоявленность”) социального бытия во времени» [5, с. 131]. Исторический текст выступает носителем историко-социальной памяти народа, и «социокультурный контекст описываемой эпохи определяет его синтаксис и семантику как нарратива» [Там же].

Как было отмечено выше, семиотика времени в романе «Теллурия» определяется контаминацией исторических контекстов, своего рода новым средневековьем, на фоне которого исследуется природа человека с его стремлением к истине, к счастью – и сейчас, и в будущем, и в Средние века, и в начале времен. Новое средневековье, о котором много говорили мыслители XX века (Николай Бердяев, Питирим Сорокин, Г. П. Щедровицкий, У. Эко и др.), в представлении В. Сорокина, – это смешение примет разных эпох, совмещение знаков и будущего, и прошлого, того, что было, и того, что происходит сейчас. Архаика проступает сквозь достижения научно-технического прогресса, сквозь обстоятельства и приметы будущего. Мифологическое время становится частью времени исторического, обретая черты условной реальности.

Смешение времен выявляется как на уровне жанровой переключки частей романа между собой, так и внутри отдельной главы, что является часто используемым приемом.

Например:

Глава VII:

Разговорная речь XIX века репрезентируется характерными обращениями (*батенька вы мой, князь, граф, ваше сиятельство, голубчик* [12, с. 59-71]), употреблением словоерса (*нуте-с, подарочек-с, да-с, полномочия-с* [Там же, с. 63, 65, 70]), устаревшими лексемами (*токмо, длань* [Там же, с. 65, 69]).

Условное будущее проступает в использовании таких лексем, как *серебристый беспилотник* [Там же, с. 71].

Глава IX:

Читателем считываются знаки советского эпохи Советского Союза: специфическое обращение (*товарищ*), лексемы с категориальной семой «относящееся к советскому»: *секретарь горкома, портрет Ленина, съезд партии* [Там же, с. 74, 76, 77].

Использование слов и синтаксических конструкций, характерных для современного бизнес-слэнга, маркирует современный язык деловых переговоров:

Государевых фондов не будет до января [Там же, с. 74]; *Как это – отозвать по скользящему договору?* [Там же, с. 75]; *Я не верю, что в июле ты не знал про брейв-инициативу тульской городской управы* [Там же, с. 77].

Знаки православной религии проявлены в лексемах, имеющих денотативное значение «предметы культа»: *темнел массивный киот; теплилась лампадка* [Там же, с. 76].

Авторской насмешкой над лабильностью принципов и легкостью пересмотра идеологии становится оксюморон *православные коммунисты* [Там же], раскрывающий семиозис распада, происходящего «здесь и сейчас».

Глава XVII:

Приметы условного будущего узнаются по лексемам *новостной пузырь; умница* [Там же, с. 138, 139, 150]. Современность репрезентируется лексемами, характерными для описания нашего времени: *четырёхполосная дорога; бензин; ваххабитский ставленник* [Там же, с. 141, 143, 150].

Знаками недавнего советского прошлого становятся относящиеся к газетному стилю слова: *горкомовский* [Там же, с. 139]; *чистка* [Там же]; *член партии* [Там же, с. 145].

Смешение этих времен героиня главы проживает в сценарных условиях русского средневековья, означиваемого посредством:

1) архаичной лексики: *окольныйчий; вдовица; дворня; токмо; нынче; надобно; ежели* [Там же, с. 138, 139, 140, 144, 145, 149, 150];

2) имен собственных, коннотативно относящихся к Средним векам на Руси: *Гаврила, Еронка, Василиса, графиня Семизорова, Варвара свет Ерофеевна* [Там же, с. 138, 145, 146, 147, 149];

3) стилистических приемов, формирующих жанр главы – дневник: монологичность речи, обращение к отсутствующему или воображаемому собеседнику (*Здесь ты, Юрочка, целованием в уста поздравил меня, жену твою* [Там же, с. 140]; *Прощай, Москва жестокая!* [Там же]), риторические вопросы (*А как еще в жизни моей теперешней?* [Там же, с. 138]), использование неполных предложений, эллипсов и сокращений (*Ворота настезь, дворня в рев* [Там же, с. 140]; *После всех тревожений позволительно* [Там же, с. 150]; *И пусть им!* [Там же, с. 144]), использование слов, ярко стилистически окрашенных (*жрать, упырь, кучи лежат* [Там же, с. 139, 143, 144]).

Глава XXI:

В главе соединены знаки, денотативно и коннотативно формирующие мифологическое и средневековое время, время будущего, военное время и современное время деловых людей.

Эпоха средневековья означивается в романе лексемами с категориальной семьей «рыцарство»: *замок, рыцари, орден, доспехи, капеллан, тамплиеры* [Там же, с. 168-190]; *Все триста двенадцать рыцарей во главе с великим магистром собрались в храме* [Там же, с. 179].

Также на репрезентацию средневекового времени работает включение в текст латинских выражений: *Dominus vobiscum! Et cum spiritu tuo* [Там же]!

Время войны отражено в использовании лексем с общей категориальной семьей «военное оружие»: *зенитные комплексы, короткоствольный автомат, пистолет, короткий меч, гранаты, жидкий топор* [Там же, с. 188-190].

Знаками наступившего будущего в тексте становятся традиционно используемые в фантастических текстах лексеммы: *солнечные батареи; голограмма, роботы* [Там же, с. 168, 188-190].

В текст включены конструкции, соотносимые с современным деловым языком (*Швейцарские гастроле-ров никогда не жаловали; Швейцарские держатся за прямые поставки* [Там же, с. 175]).

Мифологическое время в тексте становится одним из воплощений времени исторического и реализует семиотику архаичного, относящегося к сказочному и – шире – мифологическому восприятию действительности.

В данной главе мифологическое время представлено «сказочной» лексеммой – *сапоги-скороходы* [Там же, с. 168].

Глава XXXIV:

Здесь также мифологическое время становится одним из элементов исторического времени, семиотика которого формируется в первую очередь за счет использования синтаксических оборотов, характерных для русских сказок:

И зажила Варька с колобком [Там же, с. 322]; *Ничего не сказала Варька, поклонилась и пошла своим путем* [Там же, с. 326]; *Не ожидали, что дочь у них такой смелой уродилась* [Там же, с. 329]; *И стали Опилковы жить-поживать да добра наживать* [Там же].

Время будущего маркировано частотной лексеммой *умница* [Там же, с. 320], обозначающей научно-техническую разработку, своего рода компьютер, используемый для информационно-увеселительных целей. Примечательно, что ультрасовременный гаджет принимает облик хрестоматийного сказочного героя – колобка.

Глава XXVI:

Клише (канцеляризм) и устойчивые обороты, свойственные коммунистической риторике, маркируют историческое время как советское: *Ноги узурпатора попирают спину трудового народа; узурпатор и его приспешники; прибирать к рукам; размах произвола и беззакония; чистка в аппарате горкома партии; партийный актив* [Там же, с. 244-247]. Поддерживают семиотику советского времени принятые в то время обращения: *Товарищи! Граждане* [Там же, с. 244]!

С другой стороны, здесь же распознается лексика и речевые обороты, свойственные религиозному стилю: *грехопадение; митрополит наш Софроний; токмо Бог один ведает; Братья и сестры! Православные!* [Там же, с. 244, 247].

Таким образом, историческое время, выступая с семиотической точки зрения как фон для языковой игры, эксплицируется в данном романе двумя дополняющими друг друга способами:

- лингвокультурными номинаторами, идентифицирующими определенные приметы описываемого исторического отрезка;
- тематическими группами лексических единиц, обозначающими определенную предметную сущность или описывающими историческое явление.

Выделение подобных групп основано на экстралингвистических критериях, поэтому, как правило, у членов таких рядов может не быть общих семантических признаков. Так, Ф. П. Филин определяет семантические связи между лексическими единицами, входящими в тематические ряды, как «нейтральные» или «нулевые» [13, с. 232]. Однако историческая память носителя языка, его социально-культурный и лингвистический опыт безошибочно узнает процессы и явления, характеризующиеся таким рядом. То есть, попадая в контекст,

лексические единицы претерпевают семантическую трансформацию, приобретают дополнительное коннотативное значение и становятся знаками конкретной эпохи.

Биографическое, как и субъективное, время автором выведено за пределы временного семиозиса романа, поскольку единого романного героя (а значит, и субъекта изображения) не существует.

Подводя итог проведенному анализу, представляется важным обобщить некоторые мысли:

- постмодернизм переосмысливает роль категории времени. Отменяя детерминированность человека временными контекстами, автор постмодернистского романа переводит категорию времени из центральных категорий художественного текста на периферию, оставляя, однако, время как неперемное условие репрезентации своих идей;
- семиотика времени в романе «Теллурия» основана на последовательной декомпозиции времени (формирование своего хронотопа для каждой главы), а затем – его рекомпозиции посредством объединяющей метафоры;
- материал исследования показал, что в постмодернистском романе структура текстовой категории, например, времени, может быть вариативной в пределах одного текста;
- особенностью темпоральной категории становится утрата сакральных свойств мифологическим временем, которое предстает еще одной гранью времени исторического. Субъективное время, как и время биографическое, являясь частным элементом хронотопа каждой главы, не представляет собой в романе существенной семиотической категории;
- языковые средства, формирующие семиозис времени в романе, – это, прежде всего, темпоральная лексика и метафорические экспликанты (для календарного времени), лексические единицы, денотативно и коннотативно относящиеся к конкретной эпохе, стилистические особенности отдельных частей текста (глав), формирующие их жанровое своеобразие, особый синтаксис отдельных глав, который также соотносит стилистику с жанром текста (для времени исторического);
- языковые средства, которые использует автор для репрезентации семиотики темпоральной категории, не трансформируются, игра со временем происходит на уровне «более высоком» – на уровне текста как смыслового и семиотического единства;
- существенной чертой постмодернистского романа является языковая игра, имеющая не только эстетические, но и коммуникативные функции – выражение противоречивых смыслов, отражающих сложность структуры самих изображаемых ситуаций, противоречивость самой действительности.

Список источников

1. Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984. 344 с.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234-407.
3. Безрукавая М. В. Роман В. Сорокина «Теллурия»: проблема жанра и метода // Теоретические и практические проблемы развития современной науки: сборник материалов 3-й международной науч.-практ. конф. Махачкала: ООО «Апробация», 2013. С. 104-107.
4. Кормилов С. И. Основные понятия теории литературы. Литературное произведение. Проза и стих. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. Изд-е 2-е. М.: Изд-во МГУ, 2002. 112 с.
5. Лахвицкий А. Н. Исторический текст как социальный феномен: дисс. ... к. филос. н. Саратов, 2013. 150 с.
6. Лой А. Н., Шинкарук Е. В. Время как категория социально-исторического бытия // Вопросы философии. М., 1979. № 12. С. 73-86.
7. Лосев А. Ф. Античная философия истории. М.: Наука, 1977. 207 с.
8. Маньковская Н. Б. Париж со змеями (введение в эстетику постмодернизма). М.: Институт философии РАН, 1994. 220 с.
9. Николина Н. А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.
10. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 800 с.
11. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература: учеб. пособие. Изд-е 3-е, исправ. и доп. М.: Флинта; Наука, 2001. 608 с.
12. Сорокин В. Теллурия: роман. М.: АСТ; CORPUS, 2015. 448 с.
13. Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов // Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. М.: Наука, 1982. С. 227-239.
14. Яковлев В. П. Социальное время. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1980. 160 с.

SEMIOTICS OF TIME AND ITS LINGUISTIC REPRESENTATION IN THE NOVEL “TELLURIA” BY V. SOROKIN

Baryshnikova Elena Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Povalko Polina Yur'evna

*Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
ent5753@mail.ru; Polina.povalko@gmail.com*

The article examines time as an important semiotic and linguo-poetical category of a literary text. By the material of the novel “Telluria” by V. Sorokin the paper shows that post-modernistic novel uses language and semantic game as a key technique to form semiotics of time, transforms the function of this textual category developing a variational multi-semiotic structure for it. In such a case linguistic means representing the semiotics of time do not undergo cardinal changes.

Key words and phrases: semiotic method; post-modernistic novel; category of time; linguistic representation; features of time.